

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Понятие кадра в психоанализе. Функция отрицания при осуществлении процесса последействия (après-coup)

Б. Шерве
(Пер. с фр.: О. В. Чекункова,
К. С. Васильева, К. В. Выдрина,
научная редакция: О. В. Чекункова)

Бернар Шерве – психиатр, психоаналитик, тренинг-аналитик Парижского психоаналитического общества (SPP), бывший президент Парижского психоаналитического общества, член Совета и Исполнительного комитета Международной психоаналитической ассоциации (IPA), научный руководитель Конгресса франкофонных психоаналитиков (CPLF), лауреат премии Мориса Буве, автор многочисленных статей и книги «Après-coup в психоанализе: исполнение желания и мысли».

В данной статье рассматривается такое основополагающее психоаналитическое понятие, как «кадр», а также эффект последействия (après-coup). Автор подробно рассказывает о зарождении понятия «кадр» в работах известных психоаналитиков, более подробно останавливаясь на концептуализации кадра в работах Хосе Блегера. В статье представлены клинические примеры Хосе Блегера и Бернара Шерве, иллюстрирующие процесс актуализации прошлого опыта пациента в аналитической ситуации, на примере которых можно увидеть разворачивание процесса последействия в аналитической работе.

Ключевые слова: кадр, эффект последействия (après-coup), отрицание, аналитическая ситуация, травматический опыт, свободные ассоциации, равномерно распределенное внимание, контрперенос.

Понятие кадра не встречается в текстах Фрейда и психоаналитиков первого поколения. Впервые оно было введено в психоаналитическое пространство Хосе Блегером в 1966 году в статье, опубликованной в Международном журнале психоанализа. Во Франции «кадр» впервые употребляется в 1967 году в переводе ключевой работы Блегера «Симбиоз и двойственность». В 1979 году публикуется французский перевод статьи Блегера 1966 года «Психоанализ психоаналитического кадра», в которой автор размышляет о работе во время сеанса и рассуждает о теоретических аспектах аналитического метода. О кадре мы говорим довольно свободно, опираясь на ту же логику, что и при обсуждении «аналитической техники», то есть обозначаем факт, при этом не сильно вдаваясь в подробности. Однако впоследствии и техника, и кадр оказывают значительное влияние на поведение пациента в зависимости от разворачивающихся процессов мышления.

Блегер определяет «кадр» как часть материала сеанса, которая также подлежит анализу, то есть осознанию и интерпретации его значения в психической жизни пациента. Смысл этого материала был в значительной степени оставлен без внимания как психоаналитиками, так и психиатрами, для которых термин «кадр» превратился в синоним стабильности, постоянства и непрерывности. Следуя подобной логике, кадр должен религиозно соблюдаться, как если бы нарушения наводили на мысли о смертной казни. Такой способ мышления иллюстрирует разделение между аналитическим процессом, который, как предполагается, должен быть динамическим, и кадром, призванным обеспечить постоянство и устойчивость. Мы будем исследовать соединенные в пары понятия «динамика – неподвижность» и «процесс – кадр», стараясь отделить их друг от друга.

Кадр – это не концепция, а понятие, функция которого состоит в поддержании устойчивости как страховки от рисков. Это нечто желательное стабильное и постоянное. Кадр представляет собой галлюцинаторную реализацию желания, связанного с отношением каждого пациента к прерывистости родительских функций, то есть к появлению различий, связанных с возникновением влечений, благодаря тому, что мы называем первичной сценой. В данном случае под влечениями я подразумеваю не давление, толчок в сторону какой-либо цели и объекта, а, напротив, сильную регрессивную силу притяжения, отрицательные тенденции, если хотите, к ослаблению и затуханию, характерные для всех влечений. Подобным тенденциям следует противостоять, противопоставляя им основную работу психики, обуславливающую напор влечений, психических фиксаций и в конечном счете желаний.

Необходимо подробно рассмотреть понятие кадра и уточнить его функции. Заслуживает нашего внимания и тот факт, что это понятие было принято аналитическим сообществом с особой легкостью.

В первую очередь важно подчеркнуть, что авторство этого концепта принадлежит аналитику, жизнь которого в Аргентине пришлась на эпоху максимальной политизации процессов. Блегер придерживался коммунистических взглядов и в связи с этим был активно вовлечен в политическую

жизнь. Речь идет о коммунизме 1950-х годов, идеи которого разделяли множество интеллектуалов поствоенного времени как в Европе, так и в Латинской Америке. После попытки объединения психоанализа и марксизма, с которой связывали надежды многие аналитики в период с 1950-х по 1980-е годы, Блегер отошел от политики, направив внимание в сторону психоанализа. В 1961 году Блегер был исключен из коммунистической партии, а в 1966 году опубликовал статью «Симбиоз и неоднозначность».

Несомненно, ему следовало бы самому рассказать нам об этом, что придало бы определению, сформулированному выше, больше достоверности, нежели правдоподобия. И все же происхождение этого понятия, связь, установленная самим Блегером между кадром и институтом в значении совокупности норм, массовое принятие этой концепции, призыв к стабильности и постоянству в определении понятия кадра, равно как и качества, лежащие в основе любой идеологии и убеждений, как религиозных, так и политических, – все эти элементы сводятся к одному выводу. Понятие кадра тесно связано с коллективной психологией и даже с психологией масс, поскольку он с легкостью вводится в случае, когда группе нужно принять общее решение для того, чтобы минимизировать переживания, связанные с неприятными аспектами психической реальности. Здесь я имею в виду два источника неудовольствия. В первую очередь речь идет о наличии у нас редуционных тенденций, снижающих напряжение, или, наоборот, иллюзорных тенденций, приятных на первый взгляд, однако приводящих к тем же последствиям, что и редуционные, – к неудовольствию и разочарованию. Вторым источником неудовольствия являются последствия этой предрасположенности психики к сокращению напряжения. Психическая работа необходима для того, чтобы оказать сопротивление этим тенденциям. В этом случае, как и в любом другом, когда нужно проделать работу, появляются сопротивление и неудовольствие, даже если эта работа в итоге будет сопровождаться удовлетворением и чувством гордости, которое вызывает выполненная задача. В этих нескольких словах кроется фундаментальная амбивалентность, присущая любой психоаналитической терапии, поскольку терапевтический процесс одновременно пробуждает регрессивные тенденции к сокращению напряжения и призывает к необходимости проделывать психическую работу, что вызывает не меньшее сопротивление.

Скажу несколько слов о генеалогии понятия «кадр» и метапсихологии аналитической ситуации сквозь призму истории и теории аналитического метода. Я постараюсь поразмышлять о кадре, демонстрируя, каким именно образом мы можем выстраивать теории относительно всего, что происходит во время аналитического лечения. В данном случае речь идет о том, чтобы показать и раскрыть общепринятое использование термина «кадр», чтобы проиллюстрировать его динамизм. А также поразмыслим над вопросом: почему же мы так сильно держимся за термин, чья суть отражает все что угодно, кроме динамики? Какую долю правды содержат этот термин и связанная с ним стабильность? Что это за статичность, которую он нам предлагает, и что она нам дает?

Эти размышления основываются на зарождении и эволюции понятия «кадр». Историю этого теоретического понятия можно рассматривать как клинические аспекты теории.

Итак, мы начнем с Фрейда, затем перейдем к появлению понятия «кадр» в работах Хосе Блегера, после проведем краткий обзор клинических виньеток, которые Хосе Блегер использовал для иллюстрации и обоснования своего понятия «кадр», и, наконец, обратимся к небольшой клинической виньетке из моей практики, которая представляет собой наглядный пример того, что скрывается в кадре и требует работы от пары анализант – аналитик. Эта виньетка проиллюстрирует то, как текущая ситуация с изоляцией и комендантским часом была использована пациенткой и аналитиком во благо психоаналитического процесса.

Фрейд и краткая история психоаналитического метода

Долго не останавливаясь на истоках аналитического метода, на магнетизме и «ванне Месмера», гипнозе Шарко, суггестии Бернхейма, ретрогрессии Брейера, использовании давления рук, а также на христианской вере и различных духовных практиках и обрядах инициации, напомним, что формирование теории основывалось сначала на толковании сновидений, а затем на модели игры. Также мы поговорим о том, каким образом кадр следует соотносить с эротической сценой (первосценой).

Первые очертания аналитического метода мы можем найти в тексте, написанном Фрейдом в 1903 году и опубликованном годом позднее под названием «Психоаналитический метод Фрейда». Тем не менее история формирования понятия «кадр» начинается еще в 1895 году с зачатков зарождения психоанализа в «Исследовании истерии». Именно тогда Фрейд вводит в качестве основного элемента анализа пассивность аналитика. Когда Эмма фон Н. просит Фрейда замолчать, перестать задавать ей вопросы и позволить ей говорить, Фрейд отвечает на эту просьбу знаменитой формулой: «Я согласен».

Это согласие радикальным образом влияет на психические процессы, происходящие в анализе, поскольку активное воздействие гипноза или внушения уступает место спонтанной речи пациента и молчанию терапевта, то есть психическим процессам, которые могут осуществляться только в пассивности, в пассивности пациента по отношению к тому, что происходит у него внутри.

Пассивность участвует в создании свободных ассоциаций. Речь идет о том, что появляется возможность говорить спонтанно, то есть в этом случае речь становится восприимчивой к бессознательному и к травматическим характеристикам, передаваемым бессознательным, именно эти травматические качества обозначаются фразой «по ту сторону принципа удовольствия». Такая спонтанная свободная речь очень восприимчива к регрессивным зонам притяжения бессознательного, с которыми она находится в связи, благодаря чему появляется материал, напоминающий симптом, но из-за аналитической ситуации и основного правила

психоанализа он таковым не является. Такая свободная речь делает возможным слушание с равномерно распределенным вниманием.

В 1904 году Фрейд впервые начинает использовать кушетку. Он подчеркивает, что речь идет о необходимости поместить пациента в такие условия, где бы у него отсутствовало мышечное напряжение и не было никаких сенсорных стимулов, способных отвлечь внимание пациента от своей собственной психической активности. Описывая эту новую организацию кадра, Фрейд на самом деле говорит о регрессивной психической активности обоих участников аналитического процесса, вызванной соблюдением основного правила. Он соотносит психические процессы, лежащие в основе образования симптомов, и психическую активность, осуществляемую во время работы сновидения, с процессами, разворачивающимися во время свободного ассоциирования, а также во время слушания с равномерно распределенным вниманием.

А общим знаменателем всех этих процессов выступает пассивность, неотъемлемая часть основного правила. Кадр делает возможным регрессию психической деятельности к пассивности. Он определяет психические процессы, происходящие в тишине, и вызывает свободные ассоциации и равномерно распределенное внимание. Молчаливая работа психических процессов и регрессивная психическая деятельность пассивности связаны между собой так же, как состояние сна и сновидение, родительская скрытность и игра, социальная нейтральность и эротизм. В этой связи можно сказать, что ментализация во время аналитической сессии является хранителем кадра.

Основное правило психоанализа ясно формулируется Фрейдом еще в 1904 году, однако ему предстоит преодолеть определенный путь, чтобы в 1939 году быть преобразованным в общеизвестную формулу: «абсолютная искренность, с одной стороны, сдержанность и строжайшая конфиденциальность – с другой». Таким образом, правило распространяется на обоих участников анализа и приводит к работе двух психических механизмов, обозначаемых выражениями «свободные ассоциации» и «равномерно распределенное внимание».

Правило было более или менее ясно сформулировано еще в 1895 году, как и необходимость свободного ассоциирования, но только в 1912 году, после того как Фрейд включил в психоаналитический метод понятие контрпереноса, он закрепляет формулу, определяя мыслительный процесс аналитика как равномерно распределенное внимание.

Затем во всех так называемых технических статьях вплоть до 1913 года говорится о взаимосвязи технического протокола и пары «вытеснение – возвращение вытесненного», а позднее о связи между этим же протоколом и контринвестированием, осуществляемым за счет нарциссического повторения.

На протяжении всего этого периода говорилось о формальной регрессии речи во время сессии, которая позволяла пациенту стать ближе к своему бессознательному, в результате чего появлялись свободные ассоциации, представляющие собой спонтанную речь, характерную для

аналитических сеансов, со случайными мыслями, сновидениями и другими событиями, появившимися под воздействием формальной регрессии.

Равномерно распределенное внимание также оказывает благоприятное воздействие на приближение к бессознательному, оно также сохраняет связь с теорией психического функционирования, связь, благодаря которой могут возникать интерпретации и конструкции. Как уже упоминалось, эти два способа мышления могут быть теоретически осмыслены только после интеграции пассивности в аналитическую практику.

Эти способы мышления раскрываются у каждого из участников анализа только в состоянии пассивности. «Позволить себе ждать» необходимо так же, как и «позволить себе подчиниться» под влиянием как внутренних процессов, так и речи другого. Эти два способа мышления относятся к регрессивной психической деятельности пассивности, как в сновидении, игре и сексуальности, которые оказываются необходимыми элементами для разработки теории аналитической практики.

Таким образом, аналитический метод базируется на фундаменте, включающем в себя следующие основополагающие элементы: свободные ассоциации и равномерно распределенное внимание, обусловленные основным правилом. Он состоит из технического протокола с его модификациями и сложной процедурой, представляющей собой психические процессы пациента и аналитика, способствующей появлению свободных ассоциаций и равномерно распределенного внимания. В дальнейшем термин «кадр» будет относиться как к техническому протоколу, так и к мыслительным процессам каждого из участников аналитического процесса. Так выглядит идеальная аналитическая ситуация. Но для чего нужно называть это динамическое целое термином «кадр», обозначающим статичность? На самом деле на аналитический процесс, в том числе и на технический протокол, влияет динамика переноса, поэтому протокол временно выступает в качестве кадра мышления до тех пор, пока на смену не придут мыслительные процессы. Время от времени протокол и кадр накладываются друг на друга. В этих условиях, как мы понимаем, может произойти пробуждение травматизма, когда технический протокол более или менее грубо атакуется и пациент оказывается застигнутым врасплох. Однако кадр впоследствии заменяется процессами мышления. То, что было вытеснено или отрицалось, будет постепенно возвращаться с большей или меньшей силой в процессе лечения.

Эта функция технического протокола, который представляет собой временные мыслительные процессы, внезапно проявляется, когда снимается отрицание, а при идеальном стечении обстоятельств эта функция должна постепенно заменяться психической работой на базе предсознательного и психического аутоэротизма. Резкое устранение отрицания чревато дикой интерпретацией и нарушением кадра. Таким образом, кадр оказывается неотъемлемой частью вытеснения и отрицания и фактически служит способом их выражения.

Именно работы периода 1920-х годов позволяют нам лучше понять термин «кадр» и связанную с ним статичность. В них вводится и теоретически осмысливается аспект, который ранее не рассматривался, – использование

восприятия. Стабильность технического протокола обеспечивает определенную степень постоянства для восприятия, что не только способствует уменьшению его роли и облегчает психическую работу, но и предоставляет эндогенным травматическим переживаниям возможность вначале использовать восприятие осязаемой реальности в антитравматических целях и таким образом противодействовать стремлению восприятия к угасанию. Поэтому возникает необходимость установить и поддерживать отрицание восприятия нехватки. Эта перцептивная настройка на начальном этапе сопровождается отрицанием реальности существования нехватки. Только на следующем этапе отрицание будет устранено и уступит место процессу ментализации, где будет учитываться эта реальность нехватки. На первом этапе, однако, ментализация будет игнорировать отрицаемую травму. Таким образом, кадр выполняет двойную функцию по отношению к основному правилу, одновременно и способствуя, и препятствуя работе ментализации. История формирования метода показывает нам, что то, что называется кадром, никогда не является материалом для ментализации и теоретизации аналитической ситуации. Кадр рассматривается как то, что обезвоживается в ходе сессии и даже не включается в мышление аналитика. В этом случае приходится говорить о контрпереносе, предшествующем самому анализу и являющемся не только контрпереносом аналитика во время сеанса, но и контрпереносом, обусловленным текущим состоянием теоретизации.

Обращение к понятию кадра происходит в тот момент, когда аналитик теряет связь с реальностью нехватки, в частности, когда он забывает, что то, что говорит пациент, исключает значительную часть того, что в достаточно интенсивной форме проявится в будущем. Именно тогда приходится говорить о понятиях «разрыв кадра» и «трангрессия кадра». Уточним, что такое забывание со стороны аналитика является частью любого анализа. Действительно, принцип удовольствия имеет тенденцию занимать центральное место во время аналитического сеанса, с чем и связано, как правило, кратковременное игнорирование существования в психике тенденций, имеющих травматическую экономию и ускользающих из материала, принесенного пациентом на сеанс. Возвращение этих травматических качеств приводит к переживанию ощущения разрыва кадра в том месте, где неожиданно проявляется новый клинический материал, несущий в себе травматические качества, но вместе с тем и потенциал для проработки. Этот краткий исторический обзор показывает нам, как эволюция аналитического метода тесно связана с эволюцией теории психического функционирования.

Согласно теории толкования сновидений, свободные ассоциации во время психоаналитического сеанса представляют собой формальную языковую регрессию и исполнение бессознательного желания, стремящегося стать сознательным, а интерпретация представляет собой приглашение к реализации этого желания благодаря сверхинвестированию по отношению к языку, во время сеанса происходит дневной отказ от принципа удовольствия, к которому относится галлюцинаторная реализация желания,

в пользу осознания. Затем свой вклад в развитие теории психоаналитической практики вносит отсылка к детской игре.

Повторение сеансов, подобное «игре в катушку», и повторение, которое содержат в себе свободные ассоциации, предназначены для формирования психических процессов, необходимых для проживания расставаний и потерь. Интерпретация помогает завершить формирование психических процессов, необходимых для осознания и дальнейшего разрешения эдипова комплекса и способности проделывать работу горя по потерям в будущем.

Сновидение и игра, первые основополагающие элементы психоанализа, отражают модель психического функционирования, организованного в соответствии с процессом последствия (*après-coup*), происходящего в два этапа. Сновидение и игра – это сцены, разворачивающиеся между двумя этапами, во время которых происходит регрессивная психическая работа. Аналитические сеансы служат той же цели, опираясь на язык и языковую регрессию, происходящую в процессе. В сновидении используются образы, в игре – материальные объекты, на которые переносятся бессознательные психические процессы, что придает игровым объектам анимистическое значение.

Таким образом, в ходе сеанса реализуются бессознательные желания, а мыслительные процессы выстраиваются согласно принципу удовольствия и избегания неприятных переживаний, за которыми следуют процессы, связанные сначала с отказом от внутренней травмирующей реальности, а затем ее признание. Но простое повторение может трансформироваться в навязчивое повторение, поэтому необходимо признать активное влияние на аналитическую сессию и других факторов, помимо стремления к галлюцинаторной реализации инфантильной сексуальности и к формированию нарциссизма посредством идентификаций.

Клиника военных неврозов, посттравматических неврозов и связанных с ними повторяющихся сновидений, развивающаяся, в частности, у солдат после их возвращения с войны и преимущественно у солдат, которые не были физически ранены, а также клиника всех интенсивных травматических переживаний и клиника психоаналитического лечения будут использованы для теоретического осмысления того, что находится «по ту сторону» принципа удовольствия. В любом аналитическом лечении сопротивление проявляется в форме навязчивого стремления к уменьшению напряжения и желания закрепиться на уровне перцепции.

Эти клинические элементы позволили дополнить теорию психоаналитической практики новым качеством влечений, той тенденцией к сокращению напряжения, о которой говорилось выше, тенденцией к восстановлению предыдущего внутреннего состояния, вплоть до неорганического, безжизненного. Таким образом, влечения теперь являются носителями травматического качества, обусловленного их регрессивными характеристиками к сокращению напряжения. Регрессия может быть вызвана внешними обстоятельствами и внешними ощущениями, но также может и спонтанно проявляться изнутри в виде разнообразных ощущений – дискомфорта, страха, переживания угрозы, тревоги, растерянности,

отчаяния, нехватки, боли. Реальный источник травмы теперь внутренний, но лечение этой регрессивной тенденции к сокращению требует ее переноса на внешние сцены, которым приписывается травматическое происхождение. Этот перенос осуществляется под воздействием требования к удержанию, противостоящего тенденции к угасанию, сокращению напряжения, благодаря закону регистрации психического опыта, обеспечивающему его сохранение. На этой основе строятся все простые детские фобии, которые противодействуют тенденции к сокращению напряжения, благодаря наличию связи с чувственным восприятием и с мнестическими следами опыта восприятия. Таким образом, первое психическое удерживание, сохранение психического опыта образуется посредством развития чувств и репрезентаций. Это время удерживания представляет собой первую стадию ментализации. Она включает в себя тело и его аффективные и чувственные переживания. В это время образуется напряжение от удерживания, лежащее в основе формирования первичного мазохизма, из которого развиваются мысли и желания. Речь идет о мазохизме отказа. Удерживание же отказывается от сокращения напряжения. Эротическая сцена может послужить наглядным примером следствия открытия нового качества влечений в аналитической практике. Во время такой сцены происходит регрессия, доходящая до переживания угасания напряжения. Сновидения противостоят этим тенденциям своими образами, свободные ассоциации – использованием языка. Эротическая сцена осуществляет регрессивную психическую работу посредством чувственной регрессии, определяющей прелюдию. Эрогенная чувственность регрессирует до сексуальности органа. Во время этой чувственной регрессии присутствует конфликт между тенденцией к снижению напряжения и тенденцией к стремлению осуществлению желания за пределами всякого напряжения путем объединения двух чувственных регрессий, которые усиливают друг друга. Этот конфликт разрешается парой «наслаждение – оргазм». Тенденция к угасанию прослеживается как в виде уменьшения напряжения, так и в виде отсутствия реакции на стимул, что является пределом регрессии. Невосприимчивость к стимулу максимально близка по своему значению к тенденциям к угасанию, но это качество также представляет собой предел, преграду, но и фундамент, на основании которого могут возродиться желание и эрогенная чувственность. Регрессия в виде отсутствия возбуждения и реакции на стимул – это удерживание на самом пределе, которое обеспечивает протекание процесса совместного либидинального возбуждения и приводит к восстановлению либидо и увеличению желания.

Во время аналитического сеанса эти процессы проявляются в виде языковой регрессии. Чувственная регрессия, переживаемая пациентом на кушетке, происходит под воздействием, с одной стороны, реального физического телесного присутствия аналитика и пациента во время сеанса и фрустрации, связанной с принципом абстиненции, с другой. Эта чувственная регрессия проявляется в содержании ассоциативной речи, а также вовлекается и в сам процесс ассоциирования, в его стиль, представляет собой один из источников ассоциативности.

Эти источники ассоциативности представлены различными частями тела с их более или менее свободной эрогенностью. В процессе анализа проговариваются сцены, которые не могут быть реализованы во время сеанса, кроме как в виде речи, ограничивающей возможность для дальнейшего развития этих сцен. Таким образом, психоанализ позволяет видоизменить эрогенность тела пациента и, соответственно, его сексуальную жизнь вне сеанса. Аналитическая ситуация повторяет ту, благодаря которой эта чувственность возникла, а затем разрешилась в детстве через эдипов комплекс, когда ребенок, находясь в близком контакте с телами родителей, не использовался ими в качестве сексуального объекта. Отцеубийство, стоящее у истоков эдипового горя, не может быть совершено *in absentia* (заочно).

Укрепляя вербальное выражение и связь с сознанием (сделать сознательным, стать сознательным, осознавать) трансгрессивных влечений, которые ведут к угасанию, сокращению напряжения, работа аналитического сеанса регулирует процесс совместного (аналитика и пациента) либидинального возбуждения, который может быть успешным только в том случае, если со стороны Сверх-Я эффективно действует принцип отказа, с помощью характерного для него сверхинвестирования. Таким образом, аналитический сеанс, благодаря использованию языка и усилению языковых средств выражения, делает возможным работу со сновидениями, играми и эротизмом.

Безусловно, угасшее влечение будет стремиться проявить себя в сновидениях, играх, эротических сценах и в аналитической ситуации и будет принимать форму того, что мы называем «симптомами» и «сопротивлениями». С этим и связаны особенности психической работы, характерные для каждой из этих сцен аналитического процесса, которые дополняют и усиливают друг друга. С этим связаны также всевозможные ускользания, искушения и потенциальные нарушения правил. Введение основного правила говорить все, что приходит в голову, то есть озвучивать эти сцены во время сеанса, представляет собой сообщение о том, что для них есть свои особые места за пределами аналитического сеанса и что их озвучивание на сеансе способствует укреплению их места вне аналитических сеансов.

Все четыре сцены – сновидение, игра, эротизм и аналитический сеанс – представляют собой регрессивную психическую активность, для их оптимальной реализации требуются, как я уже указывал, участие пассивности и опора в виде языковых инвестиций. Все они запускаются за счет отрицания части чувственной реальности, то есть отрицания существования нехватки. Это изначальное отрицание служит для того, чтобы ограничить пробуждение тенденции к угасанию, вызванной восприятием внешних опасностей, а также для более эффективного учета внутреннего происхождения тревог, с целью их изменить, благодаря возможности вступить в контакт с вытесненным материалом. Этот аспект особенно четко прослеживается в связи появлением доступа к открытию различия полов. Приближение к открытию различия полов осуществляется благодаря проявлению двух различий, а именно противопоставлению

двух пар – «мужское – женское» и «наличие – отсутствие», или «фаллическое – кастрированное». Изначально травматический аспект отрицается в пользу конструирования мужского и женского. На первой стадии, которую можно назвать инфантильной, признается только мужское, а женское связывается с отсутствием, кастрированностью. Это фаллическая стадия. Затем, на следующем этапе, происходит дифференциация женского и травматического. Именно тогда мужское и женское могут соединиться, при этом не отрекаясь от наличия травматического аспекта. Это путь развития комплекса кастрации. Одним из возможных камней преткновения в этом процессе может стать бисексуальность, которая используется для отрицания травматического.

Посредством отрицания эти четыре элемента – сновидение, игра, эротизм и аналитический сеанс – образуют связь с психозом. Это проявления нормального, временного, обратимого и даже полезного психоза. Под защитой такого отрицания на начальном этапе аналитической работы происходит насыщение сознания двух участников аналитического процесса для того, чтобы держать на расстоянии эндогенные проявления нехватки и укрепить психическую работу латентности, что позволяет на втором этапе работы столкнуться с этой частью отрицаемой реальности, с ощущением нехватки.

Такое обратимое отрицание основывается на определенных качествах окружающей среды, представляющих условия для протекания этих четырех сцен аналитического процесса, включая более или менее строгую изолированность и более или менее гибкую стабильность. Латентность социальных связей и части вторичного процесса являются одними из необходимых условий. В любом случае эта психическая работа осуществляется в соответствии с двухэтапным процессом последствия (*après-coup*).

Посредством галлюцинаторного способа сновидения создают тождества восприятия, которые навязывают ощущение, будто существует только один мир. Детская игра также призвана создавать неомир или неореальность. Чувственный регресс во время эротической сцены в свою очередь приводит к насыщающему обострению сексуальности органа. Таким образом, влюбленные пребывают в совершенно ином мире.

Все эти регрессивные действия направлены на облегчение работы латентности, центральным элементом которой является процесс взаимного возбуждения и восстановления либидо. Речь идет об использовании тенденций к сокращению напряжения для того, чтобы вписать влечения в психику, сохраняя при этом и восприимчивость влечений к регрессии, и их направленность на объекты во внешнем мире. Эти регрессивные влечения выражаются двумя способами: стремлением уменьшить болезненное напряжение, созданное отказом, и стремлением преодолеть его путем принятия идеала. В лучшем случае этот конфликт разрешается за счет активизации либидинального инвестирования, которое таким образом создается и высвобождается. Аналитический сеанс начинается с открытия навстречу объекту через обнаружение желаний другого – носителя отказа, который участвовал в появлении желания.

Хосе Блегер и понятие кадра

Хосе Блегер дает кадру следующее определение: «это четкая установленная форма организации процесса, о которой договариваются психотерапевт и пациент, необходимая для того, чтобы сформировать их аналитические отношения, которые отличаются от других видов психотерапии». Кадр представляет собой определенный набор прописанных условий, обеспечивающих психоаналитический процесс. К кадру-протоколу Блегер добавляет кадр-симбиоз с матерью, то есть, соответственно, внешний и внутренний кадр. По его мнению, кадр-протокол и кадр-симбиоз могут быть благоприятными и/или губительными для осуществления анализа. Блегер подразделяет аналитическое пространство на неизменный кадр и динамический процесс, полный вариаций. Эта концепция, отделяющая кадр с его постоянством от процесса с его разнообразными изменениями неявно заметна, в частности, в рекомендации аналитикам, проходящим обучение, «хорошо держать кадр». Во время подведения итогов по окончании процесса обучения часто анализируются способность кандидатов «удерживать кадр» и связанные с этим риски развития ригидности, скрывающей контрпереносные фобические проявления. Эта внешняя стабильность имеет еще одну положительную функцию: она делает возможным первый этап отрицания, который облегчает регрессивную психическую работу, необходимую для снятия на втором этапе первоначального отрицания. Стабильность и постоянство, таким образом, создают благоприятные условия для появления внутреннего материала и возвращения вытесненного, которое будет постепенно прорабатываться. Но кадр также является объектом переноса всех видов сопротивления и защит для содействия процессу вытеснения. Он оказывается местом хранения и даже «захоронения» еще не переработанного материала.

Предполагается, что в идеале его временная функция постепенно заменяется работой ментализации, обеспечивающей контринвестирующие угасающих импульсивных тенденций. Таким образом, пара «постоянство – изменчивость» имеет временное предназначение. Фактически кадр двойственен: он одновременно создает и благоприятные условия, и препятствия. По мере укрепления ментализации функции стабильности, поддерживаемые кадром-протоколом, сменяются восприимчивостью к психической работе. Чем больше разворачивается работа мышления, тем меньше психика будет нуждаться в первоначальной стабильности протокола.

Пять клинических виньеток Хосе Блегера

Хосе Блегер предлагает нам пять очень коротких клинических примеров, чтобы проиллюстрировать то, что он понимает под термином «кадр». Эти пять примеров очень разнообразны и сохраняют в себе черты двойной природы кадра: одна сторона представляет собой защитные возможности, или даже сопротивления, представленные и помещенные в аналитическую ситуацию, другая сторона представляет собой скорее хранителя

потенциала для будущей проработки, для возможности осуществления которой какое-то время необходимо побыть в неподвижном состоянии.

Первая виньетка. Господин А. Речь идет о пациенте, который рассказывает на сеансе о своих поисках квартиры. Во время сеанса он сообщает, что неожиданно узнал (Хосе Блегер отмечает: «случайно»), что его аналитик только что сам купил квартиру. Затем пациент упрекает своего аналитика в том, что тот не рассказал ему об этом. С этого момента материал приобретает персекуторный характер. Пациент выполняет свою ассоциативную работу, продолжая воспроизводить то, что в его упреках уже присутствовало в форме воспоминаний. Он связывает эти упреки и чувство преследования с тем, что его родители систематически спрашивали его мнение по поводу их планов.

На основании этого материала можно сделать вывод о том, что в детстве у пациента сформировалась вера и убежденность в том, что он полностью включен в родительскую первосцену и что его невозможно из нее исключить. Таково содержание его воспоминаний. Во время сеанса возвращается отрицание того, что он в детстве был исключен из первосцены. Это убеждение оспаривается во время сеансов. Мы являемся свидетелями появления воспоминаний об отрицании отсутствия его родителей, их жизни в паре и вытеснения всего его опыта исключенности и необходимости обратиться к своему аутоэротизму и психической работе, способствующей его становлению как субъекта. Объект рождается в ненависти.

Как Хосе Блегер называет кадр в этой ситуации?

Речь идет о «сговоре», которого желает и который создает этот пациент, возможно с участием родителей, о его убеждении, основанном на его отрицании реальности существования его родителей как пары, на которую он мог сместить внутреннюю первосцену, то есть процесс, запущенный источниками его влечений.

Таким образом, мы видим, что во время сеанса используется реальность аналитика, воображаемая или более или менее обоснованная, которой пациент придает значение абсолютной реальности и на которую он переносит осколки своего детского отрицания. Он нарушает кадр, который вынуждает его соприкоснуться с травматическим опытом, на что он реагирует довольно обычным способом: преследованием, упреками, обвинениями, частично обоснованными, поскольку сам анализ и аналитик действительно ставили под сомнение то, что скрывается под понятием кадра. Таким образом, кадр является механизмом обездвиживания и антитравматического подавления, который после того, как он будет разрушен, следует заменить другими механизмами – новыми воспоминаниями, способствующим развитию анализа.

Второй клинический случай, представленный Хосе Блегером, – это случай пациентки, которая, будучи ребенком, жила в постоянных переездах. Этого требовала профессия ее родителей, при этом мы не знаем, чем были обусловлены эти переезды. В детстве ее отрывали от привычного места, она постоянно теряла своих друзей и свои опоры.

В ходе анализа обнаруживается момент, который она держала в тайне от всех с раннего детства: она носит с собой картинку как выбранный ею осязаемый образ реальности, обеспечивающий ей стабильность.

Мы снова видим здесь движение от перцепции с опорой на нее и анти-травматическое использование перцепции с помощью обездвигивания, которая обретает значение стабильного и сохраняющего вытеснения. Возможность будущей проработки на втором этапе может быть реализована только благодаря «пробуждению» травматического опыта, напоминающему первоначальный. Именно анализ делает возможной эту проработку первой травмы через обращение ко второй, по аналогии связанной с первой, как это классически бывает в процессе последействия. Процесс переработки начинается с рассказа о факте переездов, а затем появляется материал о компульсивном повторении, в которое внесла вклад психика родителей пациентки. Понятие кадра снова отсылает к механизму обездвигивания, к первому этапу последействия и к анти-травматическим решениям, которые представляют собой попытку уцепиться за восприятие осязаемого элемента и к отрицанию восприятия отсутствия. Кадр служит тому, чтобы заполнить или найти значимые реальные следы восприятия, за репрезентации которых можно зацепиться, прежде чем нейтрализовать связь, существующую между нерепрезентируемым восприятием отсутствия и регрессивными влечениями, направленными в сторону сокращения травматических переживаний ужаса и тревоги.

Третий клинический случай, предложенный Хосе Блегером, – это случай пациента г-на З., который родился в очень богатой семье, но которому по причинам, не указанным в тексте Хосе Блегера, суждено было пережить крах, разрушение семьи с потерей прежнего образа жизни. Пациент, сын этой семьи, построил свою жизнь на основе мифомании. Он жил совсем не по средствам, чтобы поддерживать преемственность между своей нынешней жизнью и жизнью прошлой, в то время как его родители стали ограничивать себя. Постепенно опыт разорения активизируется во время сеансов в том числе в виде отреагирования. У пациента возникают финансовые трудности, он больше не в состоянии оплачивать сеансы, а анализ рискует повторить его судьбу и тоже потерпеть крах. Пациент решил, что его судьба – поправить дела своей семьи, однако он достиг предела и мог прийти к выводу, что анализ ему не помог. Кадр определяется его надеждой на то, что анализ позволит ему отрицать разрушенное детство и разорение семьи.

В четвертой виньетке речь идет о пациентке, которая никогда не пожимала руку своему аналитику – ни когда приходила, ни когда уходила, в то время как Хосе Блегер привык обмениваться со своими пациентами рукопожатиями.

Забеременев, она перестала здороваться и прощаться.

Это также вариация кадра, привнесенная пациентом, которая не является частью обычного протокола аналитика и не относится к местным социальным нормам. Таким образом, речь идет о принадлежащем пациенту

материале, который воспринимается аналитиком, но не превращается в объект ассоциаций во время сеанса.

Кадр определяется разрывом между протоколом, установленным пациенткой, и общепринятыми социальными нормами, поощряющими поведение, которое, будучи коллективным, теряет свой первоначальный сексуальный смысл, как, например, рукопожатие, поцелуи и формулы вежливости, которые дети используют для восстановления контакта с их инфантильной полисемией.

Термин «кадр» здесь относится к материалу, привнесенному пациенткой и оставленному аналитиком без расспросов и размышлений до тех пор, пока определенные вариации не приведут к необходимости рассмотрения его как части материала и со стороны аналитика, и со стороны анализанта. В случае этой пациентки присутствует некое отрицание, даже совокупность навязываемых ею аналитику отрицаний, касающихся ее отступления от социального кода. Таким образом, их сексуальное значение замалчивается.

Во время беременности начинает проявляться не принимаемая ранее в расчет фобия контакта с другим. Тот факт, что беременность приводит к модификации этой фобии, позволяет выдвинуть гипотезу о проявлении инфантильной сексуальности: «рукопожатие есть способ зачать детей». С другой стороны, во время беременности эта теория приобретает более отчетливое сексуальное оформление: «поздороваться – значит заняться любовью». Малейший контакт, таким образом, выявляет сексуальный и, очевидно, инцестуозный подтекст с устранением принципа десексуализации, участвующего в формировании социального поведения, проявляющегося, например, в вежливости.

Таким образом, именно эта вариация, вносящая коррективы в кадр, позволяет нам еще раз убедиться, что то, что мы называем кадром, в процессе последствия оказалось неосмысленным и обездвиженным материалом.

Пятая клиническая виньетка, рассмотренная Хосе Блегером, описывает пациента-супервизанта. По просьбе пациента терапевт согласился общаться с ним на «ты». Развитие анализа становилось все больше сложным. Затем супервизант воспользовался своей супервизией для того, чтобы попытаться вырваться из повторяющегося и вялого аналитического процесса.

Именно неспособность принять во внимание определенные вариации, привнесенные пациентом в качестве материала для клинического исследования, в очередной раз определяет понятие кадра. Фактически сам принцип психоанализа и основное правило были модифицированы пациентом на основании его предыдущего опыта идентификации; навязанные модификации кадра, таким образом, представляют собой воспоминания. Здесь мы видим сговор между аналитиком и пациентом, в основе которого скрыт сговор, навязанный родительскими инстанциями пациента; в это соучастие, вероятно, включены и воспоминания аналитика.

Просьба со стороны пациента называть его на «ты» не была рассмотрена в качестве материала сеанса. Супервизия позволила вновь ввести это значение материала и восстановить истинный кадр, который представляет собой процесс мышления двух протагонистов. Очевидно, речь идет не о том, чтобы просто перейти от того, чтобы привычно называть друг друга «на ты» к более формальному обращению на уровне поведения, а о том, чтобы осмыслить это «навязывание» со стороны пациента и это «принятие» со стороны аналитика.

Все приведенные выше примеры демонстрируют, что то, что мы называем кадром, одновременно является и защитным обездвиживанием, которое содержит в себе потенциал для дальнейшего движения при условии, что то, что было обездвижено в первый раз, будет возвращаться с использованием процессов мышления и реинтегрирует динамику мышления в аналитическую ситуацию.

Клиническая виньетка, пример работы аналитика во время карантина: фобия человеческого тепла

Описанные ранее клинические примеры дали возможность ощутить, что собой представляет работа ментализации во время сеанса, благодаря которой исключенный до этого из психической динамики материал может ярко и ощутимо заявить о своем присутствии.

Контекст клинической ситуации, которая будет представлена, отчетливее обычного иллюстрирует проявление в ходе сеанса тревожного невроза, подкрепленного травматическим неврозом и создающего мазохистическое напряжение. Этот контекст – пандемия 2020–2021 годов.

Молодая женщина решает обратиться к анализу и выбирает аналитика, который жил далеко от ее дома, чтобы избежать рисков столкнуться с ним в городе, где она живет. Таким образом, ее путь из одного города в другой становятся частью «кадра», в установлении которого она принимает участие. Начинается клиническая работа с включением фактора расстояния, а расстояние превращается в материал.

Процесс анализа разворачивается. С каждым разом пациентка все сильнее опаздывает. Поэтому часть сеансов проходит в форме отреагирования, связанного с ее перемещением. Пациентка приносит много материала, однако нет ничего существенного относительно этих изменений конкретных аспектов сеансов: времени проведения сеансов и продолжительности присутствия на сеансе. Аналитик вынужден размышлять над тем, что происходит, и обращается к теории.

Карантин приводит к изменениям в протоколе. Сеансы проходят по телефону, пациентка звонит в назначенное время, продолжительность сеансов, как и оговаривалось, составляет 45 минут.

По окончании карантина сеансы возвращаются к очному формату. Сама пациентка удивлена, насколько ценными оказались для нее эти 45-минутные сессии, и рада тому, что смогла извлечь пользу из полноценных сеансов в период карантина. Едва выразив это изумление, поддержанное аналитиком, пациентка сообщает, что у нее только что промелькнула мысль о

тепле кушетки, вызванном присутствием предыдущего пациента. Ей это не нравится. «Выбранный факт» начинает вырисовываться, формируется ассоциативно из ощущений во время сеанса, которые охватывают фантазматические и исторические пласты, присутствующие в мире этой женщины, перенесенные на восприятие, найденное/созданное в рамках сеанса. Проявляется и выражается фобия контакта, боязнь тепла. Тепло соблазнительно. Хотя предпосылки и причины этой фобии относятся к докарантинному периоду, именно отсутствие возможности встречи с аналитиком поспособствовало переносу этой фобии на конкретные элементы аналитической ситуации. Опоздания приобретают новый смысл.

Разумеется, у аналитика возникнет целый ряд соображений, касающихся этой фобии, переноса ее на сеансы с помощью перцепции, но также и относительно контекста появления дистанции, актуализирующего эдипов запрет и детские фобии контакта. Признаки присутствия предыдущего пациента вызывают в памяти контакт с братом в детской спальне, а использование элемента перцепции из настоящего свидетельствует о наличии интенсивной травматической связи с первосценой, актуализированной во время сеанса по причине периода карантина и связанного с этим дистанцирования.

Однако в рассуждениях аналитика нет конкретных элементов, связанных с пациенткой. После нескольких сеансов пациентка вспоминает многократно повторявшиеся эпизоды своего детства, о которых она всегда помнила, но которые не прорабатывала в предыдущих сеансах. У ее матери был любовник, она брала дочь с собой на прогулки, но на самом деле отправлялась на встречу с ним, оставляя дочь ждать в соседней комнате. Смысл расстояния и перемещения становится более понятным.

С точки зрения психологического подхода, пациентка вынуждает своего аналитика переживать то, что пережила сама: вынуждает его ждать ее, как она, будучи дочерью, ждала сама, таким образом превращая себя саму в место первосцены. В таком упрощенном виде представлен перенос через оборот в виде идентификации с агрессором, таким же образом рассматривается манифестное содержание. Эта логика часто позволяет интерпретировать детские игры, когда, например, дети по возвращении из школы играют в куклы.

Пример детской игры с катушкой «Fort/Da!!!» свидетельствует о том, что пациент с помощью повторения воспроизводит внутренние травматические события в попытке выстроить процессы, позволяющие ему избавиться от отрицательного воздействия этого травматического качества. Такое повторяющееся действие также включает в себя сопротивление выстраиванию этих процессов.

Таким образом, пациентка воспроизводила на сеансах ситуацию из прошлого: маленькая девочка отправлялась на прогулку с матерью, которая встречалась с любовником и заставляла дочь ждать. Воспоминание об этой сцене проявляется через перенос и ощущение тепла, это воспоминание о тепле ее матери, сливающимся с теплом ее любовника. Тепло, обнаруженное ей во время сеансов, относится к фантазиям о том, чем занимается ее аналитик до ее прихода. Таким образом, она восстанавливает

через перенос фантазм о первосцене, из которой она была исключена, но в которой она тем не менее участвовала, через ожидание. Разумеется, ее отношения с устраненным из ситуации отцом находятся на заднем плане, не имея возможности материализоваться в данный момент. Эта клиническая виньетка будет дополнена затем другими материалами, касающимися ее семейной жизни, личности ее матери, отца и т. д.

Если бы аналитик настоял на ригидном соблюдении протокола-кадра, этот материал не возник бы и не был бы проработан. Напротив, нужно было поддерживать инвестирование повторявшихся опозданий пациентки, рассматривая их в качестве материала для того, чтобы проработка этого материала как отказа от пребывания в первосцене смогла произойти. Мы становимся свидетелями истинного процесса последствия. Недавняя «созданная-найденная» сцена (тепло кушетки) прокладывает путь к эпизоду из прошлого, способствует изменению травмирующего качества старого эпизода (ожидание матери, занятой своим любовником). Мы обнаруживаем в этом травматическое качество с двумя степенями интенсивности, причем фобия позволяет достичь более давнего, гораздо более регрессивного качества. Суть кадра состоит в том, что аналитик рассматривает все, что происходит во время сеанса, как потенциальный психический материал. В процессе последствия созданный-найденный материал встраивается в цепочку, соединяясь с опытом из прошлого благодаря процессу ментализации: расстояние, транспорт, прогулка, любовник, тепло, репрезентация первосцены, отказ от угасающего регрессивного влечения, переживаемого как угроза исчезновения.

Эта небольшая клиническая виньетка с последовательностью элементов показывает, что то, что мы называем кадром или протоколом, скрывает в себе пока еще не проявленный материал. Ощущение тепла кушетки от предыдущего пациента позволило этой пациентке освободиться от ощущения тепла из первосцены своего детства, в плену которого она пребывала.

Рассмотрение теории и клинической практики позволило нам установить, что понятие кадра относится к тому, что обездвижено и что хранится в пассивном виде, в молчании. Его важнейшая функция – уменьшить травмирующее воздействие восприятия различий и предложить антитравматический механизм, воздействующий на внутренние источники травматизма до тех пор, пока психическая работа не придет ему на смену.

Кадр включает в себя все, что не проявляется в ходе сеанса, протекающие психические процессы, все, что находится в латентном состоянии, все, что ожидает проявления в сознании и в предсознательном, а вместе с тем и все, что вытеснено и исключено из процесса проработки и остается в состоянии регрессивной экономии. Определяемая основным правилом работа в ходе сеанса постепенно преобразует материал, остающийся невысказанным, в материал, подлежащий осознанию, и в процессы, способные принести результат. Кадр включает в себя как само основное правило, так и сопротивление ему, которое предположительно требует включения в работу регрессивных психических процессов, характерных для

пассивного состояния, благодаря чему материалы, подвергшиеся регрессивным влечениям, могут модифицироваться и ментализироваться.

Таким образом, кадр выполняет тройную функцию: он занимает место исключенного третьего, является хранителем будущих возможностей и представляет собой сопротивление регрессивным влечениям.

The concept of a frame in psychoanalysis. The denial function in the après-coup process

B. Chervet

**(Translation from French: O. V. Chekunkova,
K. S. Vasilieva, K. V. Vidrina,
scientific editorial O. V. Chekunkova)**

Bernard Chervet, psychiatrist, psychoanalyst, training analyst of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), former president of the Paris Psychoanalytic Society, member of the Council and Executive Committee of the International Psychoanalytic Association (IPA), scientific director of the Congress of Francophone Psychoanalysts (CPLF), winner of the Maurice Bouvet Prize, author of numerous articles and of the book "Après-coup in Psychoanalysis: the Fulfillment of Desire and Thought".

This article discusses such a fundamental psychoanalytic concept as a frame, as well as the process of après-coup. The author tells in detail about the origin of the concept of frame in the works of well-known psychoanalysts, dwelling in more detail on the conceptualization of the frame in the works of José Bleger, the article presents clinical examples of José Bleger and Bernard Chervet, illustrating the process of actualizing the patient's past experience in an analytical situation, on the example of which one can see the unfolding of the process of après-coup in the psychoanalytical work.

Keywords: frame, après-coup, denial, analytical situation, traumatic experience, free associations, countertransference, free-floating attention.